

Селезнева Елена Валентиновна

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА "СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ" В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ 1910-1920-Х ГГ

Статья раскрывает особенности восприятия повести А. П. Чехова "Скучная история" в англоязычном мире, основанные на материале первой английской монографии о писателе и двух переводов его произведения. Основное внимание в работе автор акцентирует на воплощении психологического контекста оригинального произведения и его своеобразной реализации на лексическом и пунктуационном уровнях в переводимых текстах и в зарубежном литературоведческом исследовании.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 176-179. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.111.09:821.161.1.09

Филологические науки

Статья раскрывает особенности восприятия повести А. П. Чехова «Скучная история» в англоязычном мире, основанные на материале первой английской монографии о писателе и двух переводов его произведения. Основное внимание в работе автор акцентирует на воплощении психологического контекста оригинального произведения и его своеобразной реализации на лексическом и пунктуационном уровнях в переводимых текстах и в зарубежном литературоведческом исследовании.

Ключевые слова и фразы: англоязычная культура; психологический аспект; экспрессивно окрашенная лексика; новаторские методы исследования; внутренняя рефлексия героя; семантическая незавершенность; негативный контекст.

Елена Валентиновна Селезнева

Кафедра русской и зарубежной литературы

Томский государственный университет

longisquama-l@rambler.ru

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ»
В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ 1910-1920-Х ГГ. ©**

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (тема: «Интертекстуальность текстов различных функциональных стилей в сопоставительно-переводческом аспекте»; соглашение № 14.В37.21.0094).

Исходным этапом восприятия повести А. П. Чехова «Скучная история» англоязычной культурой следует считать 1910-1920-е гг. Данный период ознаменован выходом в свет первых переводов чеховского произведения, принадлежащих перу Дж. М. Марри (1915) и К. Гарнетт (1918), и первых литературоведческих работ, посвященных творчеству русского художника. Примечательно отметить также тот факт, что все эти деятели английской культуры имели отношение к группе «Блумсбери» [4, с. 63-66], оказавшей немаловажное влияние на формирование и становление английского модернизма, в рамках которого активно развивалось, в частности, психологическое направление.

В 1923 г. вышла в свет монография Уильяма Джерхарди «Антон Чехов. Критическое исследование». В своей книге ученый фокусирует внимание на зрелом периоде творчества писателя, и, в частности, повесть «Скучная история» занимает в его исследовании одно из центральных мест.

Это произведение рассматривается У. Джерхарди в контексте чеховского психологизма, который воспринимается им как новаторский. По мнению исследователя, авторскую психологическую специфику составляет «двойная атмосфера... которая заключается в организации субъективной манеры повествования на основе объективного отношения личности к действительности» (*здесь и далее перевод мой – Е. С.*) [7, р. 126]. Данное своеобразие реализуется в процессе анализа произведения, где главный герой, от лица которого ведется повествование, представляет зрителю себя и свое окружение далеко не с положительной стороны, тем не менее, это не лишает его читательской симпатии [Ibidem, р. 136]. Ученый акцентирует внимание на раскрытии внутреннего мира главного персонажа, имеющего определенное сходство с мироощущением самого автора, которое исполнено жизненных противоречий и не свободно от определенных предрасудков. При этом исследователь отмечает отсутствие возрастной разницы между старым профессором и достаточно еще молодым Чеховым.

У. Джерхарди также подчеркивает рефлексивную позицию Николая Степановича, то, что он производит анализ поступков окружающих его людей, что характеризует его как духовно развивающуюся личность.

Итак, в целом, в восприятии У. Джерхарди «Скучная история» - «великолепно проработанная психологическая картина» [Ibidem, р. 144].

Первым переводчиком «Скучной истории» в Англии стал Дж. М. Марри, известный в большей степени как литературный критик, руководивший союзом литераторов, куда вошли С. С. Котелянский, Д. Лоуренс, К. Мэнсфилд, работающие с журналом «Ритм» (1911-1913). Ученый опубликовал несколько статей о творчестве писателя, в частности, «Гуманность Чехова» (1920), «Антон Чехов» (1924) и «Значение русской литературы» (1924), в которых он выступает с критикой отечественной литературы, отмечая в ней поверхностное изображение человеческого бытия. Литературовед предлагает новые усовершенствованные методы исследования, найденные в произведениях русского художника: «Сегодня мы начинаем чувствовать, насколько Чехов близок нам, завтра, возможно, мы поймем, как бесконечно он определил нас...» [Цит. по: 3, с. 813]. Марри можно считать одним из основоположников англоязычного чеховедения, на его мнение в последующем будут опираться многие английские критики, такие, например, как Э. Гарнетт и Г. Бейтс, изучающие творческое наследие русского писателя.

При этом следует принять во внимание тот факт, что перевод повести «Скучная история» явился результатом совместной работы Дж. М. Марри и С. С. Котелянского. Второй из упомянутых переводчиков был выходцем из России, эмигрировавшим в Англию в 1911 г. Их совместный перевод вышел в печать в 1915 г. и занял достойное место в сборнике «Пари и другие рассказы» («The Bet and Other Stories») [5]. Выбор произведений был обусловлен вниманием к психологической проблематике прозаического творчества писателя.

Текст перевода характеризуется, прежде всего, особым своеобразием на пунктуационном уровне, что проявляется в частом отсутствии многоточий на протяжении всей повести. Примечательно отметить совершенно противоположную тенденцию авторского текста, которая заключается в обилии многоточий, представляющих, прежде всего, фундаментальную особенность авторского повествования, которое исполнено недосказанности, что, в свою очередь, составляет основу скрытого психологического контекста оригинального произведения. Семантическая незавершенность влечет за собой определенную многозначность и глубину. Чеховское многоточие предстает не только как нечто прерванное, но как определенный текст, который просто не введен автором в общий контекст произведения. Авторское недоговаривание подразумевает совместное взаимодействие читателя с текстом, который способен сам додумать недосказанный и скрытый писателем смысл произведения.

Воспринимая Чехова как мастера малого жанра, Дж. М. Марри стремится передать лаконичность авторской мысли, используя в своем тексте большое количество односоставных предложений, что, в свою очередь, усиливает чеховский психологизм. В оригинальном произведении наблюдается совершенно противоположная тенденция, Чехов довольно часто использует осложненные конструкции.

Особенности лексической составляющей текста Дж. М. Марри также отражают определенную психологическую направленность. Переводчик опускает те детали, которые характеризуют Николая Степановича как положительного персонажа, не потерявшего сострадания к окружающим людям, полного внутренней рефлексии и осознания собственного бытия.

Оригинал: «Даже то, что прежде давало мне повод только сказать лишний каламбур или добродушно посмеяться, родит теперь во мне тяжелое чувство» [2, с. 282].

Перевод: «Even the things in the past gave me the chance of making an extra pun, now bring me the feeling of oppression» [5, p. 41].

Подстрочник: «Даже то, что прежде давало мне повод только сказать лишний каламбур, приводит меня теперь в тяжелое чувство».

Оригинал: «Если смерть и в самом деле опасность, то нужно встретить ее так, как подобает это учителю, ученому и гражданину христианского государства: бодро и со спокойной душой. Но я порчу финал» [2, с. 284].

Перевод: «If death is really a danger then I must meet it as becomes a teacher, a scholar, and a citizen of a Christian State. But I am spoiling the finale» [5, p. 43].

Подстрочник: «Если смерть и в самом деле опасность, тогда я должен встретить ее так, как подобает это учителю, ученому и гражданину христианского государства. Но я порчу финал».

Второй из выше приведенных примеров демонстрирует чувство крайней моральной ответственности, которое ощущает главный герой. В данном случае переводчик использует модальный глагол «must» (должен, обязан) [1], который, в отличие от чеховского «нужно», требует от человека более точной определенности в действиях. Напротив, в этом же фрагменте Дж. М. Марри опускает важную психологическую характеристику героя, несущую в себе определенный смысл, заложенный автором: это чувство спокойствия и внутренней уверенности как ученого и умиротворения, которое присуще человеку истинно верующему.

Поскольку повествование ведется от лица главного персонажа, профессора Николая Степановича, следовательно, описание и характеристики остальных героев представлены в сфере его сознания. В переводимом тексте Дж. М. Марри не принимает во внимание, на первый взгляд, незначительные, но важные для характеристики мироощущения главного героя детали. Так, свою привычку курить герой оценивает негативно, что в переводе утрачивается:

Оригинал: «...единственную за весь день, уцелевшую от давно бывшей, скверной привычки дымить от утра до ночи» [2, с. 279].

Перевод: «...the sole survivor of my old habit of smoking from morning to night» [5, p. 37].

Подстрочник: «...единственную за весь день, уцелевшую от давно бывшей привычки курить с утра до ночи».

В другом фрагменте оригинального текста автор продолжает нагнетать и усиливать состояние внутреннего дискомфорта старого профессора, которое также не учитывается в переводимом отрывке. Профессорская реплика: «У меня какое-то предчувствие было. Впрочем, пустяки» [2, с. 279] несет в себе определенные сомнения, «предчувствие» выражает ощущение какого-то неотвратимо-грядущего события, в данном случае, оно связано с приближением смерти. Данный психологический контекст в переводе Дж. М. Мари опущен.

Далее переводчик вновь отступает от замысла оригинального произведения, констатируя факт, который станет известен лишь в конце произведения. Поскольку словосочетание «for sure» выражает определенную уверенность, Дж. М. Марри заранее повествует о случившихся в будущем событиях, при этом разрушая все надежды главного персонажа на спасение, что в полной мере отражает состояние внутреннего бытия героя:

Оригинал: «По-видимому, этот человек скоро умрет» [Там же, с. 252].

Перевод: «This man will die soon, for sure» [5, p. 10].

Подстрочник: «Несомненно, этот человек скоро умрет».

Следующий перевод «Скучной истории» публикует популярная в XX в. писательница и переводчица К. Гарнетт, сыгравшая огромную роль в установлении русско-английских культурных связей. В первой

четверти XX в. ею были переведены многие произведения русских классиков: И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, А. И. Герцена, А. Н. Островского, при этом ее переводы выходили в свет каждый год. Перевод романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история», опубликованный в 1894 г., можно считать первым ее опытом перевода художественного произведения с русского языка. Переводчица дважды посещала Россию, и первая ее поездка в 1894 г. послужила отправной точкой в обращении к творческому наследию Чехова.

Повесть «Скучная история» в переводе К. Гарнетт вошла в сборник «“Жена” и другие рассказы» [6], изданный в 1918 г. В своем тексте английская переводчица также акцентирует внимание на психологической составляющей оригинального произведения, что проявляется в импрессионистской направленности ее перевода. Прежде всего, это отразилось в переводе названия произведения, где она использует слово «dreary» (мрачный, тоскливый, отчаянно скучный, печальный, грустный) [1]. В своем переводе Дж. М. Марри в качестве английского эквивалента чеховскому «скучный» подобрал «tedious» (скучный, утомительный) [Там же].

Та же самая тенденция просматривается на протяжении всего произведения, когда переводчик вводит в чеховский текст экспрессивно окрашенную лексику, что также способствует усилению описания психологического состояния героя и восприятия им окружающего мира и людей. В частности, в ряде случаев это сопровождается введением в перевод негативного контекста:

Оригинал: «Ради бога, сними с меня эту тяжесть! Я страдаю!» [2, с. 280].

Перевод: «for God’s sake, take this burden off me! I am so worried!» [8].

Подстрочник: «ради бога, сними с меня эту тяжесть! Я так страдаю!».

Оригинал: «Друг к другу и тем писателям, которых они критикуют, относятся они или излишне почтительно, не щадя своего достоинства, или же, наоборот, третируют их гораздо смелее, чем я в этих записках и мыслях своего будущего зятя Гнеккера» [2, с. 293].

Перевод: «They treat one another and the writers they criticize either with superfluous respect, at the sacrifice of their own dignity, or, on the contrary, with far more ruthlessness than I have shown in my notes and my thoughts in regard to my future son-in-law Gnekker» [8].

Подстрочник: «Друг к другу и тем писателям, которых они критикуют, относятся они или излишне почтительно, не щадя своего достоинства, или же, наоборот, с гораздо большей жестокостью, какую я проявляю в своих записках и мыслях по отношению к своему будущему зятю Гнеккеру».

Оригинал: «Они не чувствуют, как простой разговор постепенно переходит в глумление и в издевательство и как оба они начинают пускать в ход даже клеветнические приемы» [2, с. 289].

Перевод: «They are not conscious how by degrees simple talk passes into malicious mockery and jeering, and how they are both beginning to drop into the habits and methods of slander» [8].

Подстрочник: «Они не осознают, как простой разговор постепенно переходит в злобное издевательство и в глумление, и как оба они начинают пускать в ход клеветнические приемы».

При описании своей воспитанницы Кати главный герой подчеркивает определенные, характеризующие ее поведение поступки, которые являются важной характеристикой героини, а не простой случайностью, произошедшей в той или иной ситуации, как это отмечено переводчиком. При этом К. Гарнетт также вносит отрицательный смысл в поступок девушки:

Оригинал: «Она порывисто надевает свою шубку, и в это время из ее небрежно сделанной прически непременно падают на пол две-три шпильки. Поправлять прическу лень и некогда; она неловко прячет упавшие локоны под шапочку и уходит» [2, с. 274-275].

Перевод: «She puts on her fur coat abruptly, and as she does so two or three hairpins drop unnoticed on the floor from her carelessly arranged hair. She is too lazy and in too great a hurry to do her hair up; she carelessly stuffs the falling curls under her hat, and goes away» [8].

Подстрочник: «Она надевает порывисто свою шубу, и в это время из ее небрежно сделанной прически незаметно падают на пол две или три шпильки. Поправлять прическу ей лень и некогда; она кое-как заталкивает упавшие локоны под шапку и уходит».

К. Гарнетт в своем тексте заменяет авторское слово «невежество», которое можно трактовать как отсутствие знаний, на «недуг». Следует отметить, что в чеховском герое важно осознание неспособности изменить свою собственную судьбу, что связано с отсутствием определенных медицинских показаний, которые бы послужили действенным стимулом к выздоровлению:

Оригинал: «Теперь, когда я сам ставлю себе диагноз и сам себя лечу, временами я надеюсь, что меня обманывает мое невежество...» [2, с. 290].

Перевод: «Now that I am diagnosing my illness and prescribing for myself, from time to time I hope that I am deceived by my own illness...» [8].

Подстрочник: «Теперь, когда я сам ставлю себе диагноз и сам себя лечу, временами я надеюсь, что меня обманывает мой собственный недуг...».

К. Гарнетт, как и Дж. М. Марри, не принимает во внимание употребление в оригинальном тексте большого количества многоточий, в особенности в конце повести, что опять-таки ведет к потере ключевых особенностей авторской повествовательной манеры.

Таким образом, необходимо отметить единую психологическую направленность в рецепции повести Чехова «Скучная история», проявленную как в ранней теоретической работе о русском писателе, так и в переводческой интерпретации оригинального текста в контексте англоязычной культуры 1910-1920-х гг.

В литературоведческом исследовании У. Джерхарди основой восприятия произведения становится именно психологический аспект, который, с точки зрения ученого, заключается в совмещении субъективной манеры повествователя с его объективным отношением к бытию.

В свою очередь, в ходе сопоставительного анализа оригинального и переводимого текстов на лексическом и пунктуационном уровнях можно утверждать, что оба переводчика, Дж. М. Марри и К. Гарнетт, также стремились добиться психологического эффекта воздействия на англоязычного читателя повести «Скучная история», используя при этом различные средства выражения. Дж. М. Марри намеренно употребляет односоставные предложения, опуская при этом многоточия, опускает контекстуальные описания главного героя, которые играют важную роль. К. Гарнетт в своем переводе, в отличие от Дж. М. Марри, для достижения психологического эффекта вводит в свой текст экспрессивно окрашенную лексику, которая усиливает созданную Чеховым психологическую атмосферу.

Список литературы

1. **Новый англо-русский словарь** / В. К. Мюллер, В. Л. Дашевская, В. А. Каплан и др. М.: Рус. яз., 2001. 880 с.
2. **Чехов А. П.** Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1977. Т. 7. 736 с.
3. **Шерешевская М. А.** Английские писатели и критики о Чехове // Чехов. Литературное наследство / под ред. И. И. Анисимова, А. С. Бушмина, В. В. Виноградова и др. М., 1960. Т. 68. С. 801-832.
4. **Энциклопедический словарь английской литературы XX в.** / отв. ред. А. П. Сарухян. М., 2005.
5. **Chekhov A.** The Bet and Other Stories / translated by S. S. Kotliansky and J. M. Murry. Dublin, 1915. 176 p.
6. **Chekhov A.** The Wife and Other Stories / translated by C. Garnett. L., 1918.
7. **Gerhardie W.** Anton Chekhov: a Critical Study. N. Y.: St. Martin's Press, 1974. 172 p.
8. **The Tales of Chekhov** [Электронный ресурс] / translated by C. Garnett. Vol. 5. URL: <http://www.readeasily.com/anton-chekhov/index.php> (дата обращения: 24.09.2012).

PSYCHOLOGICAL INTERPRETATION OF A. P. CHEKHOV'S NARRATIVE "A BORING STORY" IN ENGLISH CULTURE OF THE 1910-1920S

Elena Valentinovna Selezneva

Department of Russian and Foreign Literature
Tomsk State University
longisquama-1@rambler.ru

The author reveals the peculiarities of the perception of A. P. Chekhov's narrative "A Boring Story" in the English-speaking world, basing on the material of the first English monograph about the writer and two translations of his work, and pays special attention to the embodiment of the original work psychological context and its peculiar implementation at the lexical and punctuation levels of translated texts and in foreign literary criticism research.

Key words and phrases: English-speaking culture; psychological aspect; expressive vocabulary; innovative researches; internal reflection of hero; semantic incompleteness; negative context.

УДК 822-95

Филологические науки

В статье рассматривается такой ключевой мотив лирики Петра Павловича Ершова, как прорастание зерна. Устанавливается связь данного мотива с образом сердца, мотивами цветения и пения песни, которые в комплексе характеризуют тему поэтического творчества. Анализируемый мотив присутствует не только в поэтических текстах Ершова, но и в эстетических работах и письмах сибирского автора, что указывает на его значимость для поэта. Мотив прорастания зерна может иметь христианскую тематику в произведениях Ершова и быть связан с новозаветной притчей о сеятеле.

Ключевые слова и фразы: П. П. Ершов; лирика; романтизм; мотив прорастания зерна; христианская традиция.

Григорий Викторович Сильченко

Кафедра филологии и культурологии

Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова
grishanja1982@mail.ru

МОТИВ ПРОРАСТАНИЯ ЗЕРНА В ЛИРИКЕ П. П. ЕРШОВА©

Поэтическое творчество Петра Павловича Ершова (1815-1869) представляет собой характерное, но еще не в полной мере изученное явление в истории развития русской литературы 30-50-х годов XIX века.